

*ДВЕ РЕЦЕНЗИИ НА «ЛЕСБИЙСКИЙ ДНЕВНИК»
ЛОЛИТЫ АГАМАЛОВОЙ*

*Почему мне трудно читать «Лесбийский дневник»
Лолиты Агамаловой*

Михаил Немцев

Сообщение о затруднениях. Этот текст “закрыт” для меня, читателя, в трёх отношениях. Во-первых, с порога ясно, что жанр “лесбийского дневника” не предполагает “обычного” гетеросексуального мужчину в качестве активного читателя. Проще говоря – это не для моих глаз. Поскольку любовную речь женщины к женщине я не могу разделить или, скажем, в каком-то фантазматическом жесте соучастия подхватить, поскольку эта любовная речь максимально удалена от моего собственного опыта и от любого вообще опыта, который у меня мог бы быть, – постольку я ясно осознаю, что этот текст мне возможно лучше не читать, во всяком случае, не высказываться о нём по/во время прочтения.

Во-вторых, здесь говорится о насилии, которое я мог бы спутать с насилием, знакомым непосредственно мне самому (но их путать как раз и не следует). То гендерное насилие, к которому вновь и вновь возвращается текст, отформатировано патриархатом и неизбежно разводит авторку, её читательницу – и меня – по “разные стороны” одной и той же матрицы. Символика патриархального насилия маркирует литературную традицию, из которой написан этот «дневник», и это-то, возможно наиболее трудный для понимания жанр. Символом насилия становится здесь в первую очередь кровь, и «дневник» переполнен кровью (красной, чёрной, льющейся, избыточно-неподвижной, прочей); и тот, совсем небольшой, «опыт крови», который я при чтении обнаруживаю у себя самого, не просто не сопоста-

вим с женским опытом крови (кровоточения, кровоизпускания, кровопотери), он несоотносим, потому что это была и бывает «другая» кровь, – и большая проблема, что мне делать с текстом Лолиты Агамаловой, кроме как принять к сведению. Это проблема философской герменевтики, а не моей или любого другого читателя личной ограниченности (её тоже всегда надо предполагать). В разных ячейках патриархальной гетеронормативной матрицы слово «кровь» получает разную семантику. Этически, лучше переоценить, чем недооценить эту разность.

В-третьих, фрагменты, академического языка в речи влюбленной могли бы стать чем-то вроде перекидного моста, потому что, как будто одни и те же книги или почти одни и те же – с той же полки – книги мы читали. Лексикон критической теории добавляет необходимой мне для чтения столь интимного текста читателю «неоттуда» отстранённости. Он по внешней видимости равнодоступен для всех, являя собой встроенные в закрытый исповедальный текст точки опоры для возможной интерпретации изнутри системы современных дискуссий, так что если бы я вёл семинар по «Лесбийскому дневнику», то не нужно было бы искать герменевтические точки входа. И этот же вменённый академизм отстраняет; я не могу одновременно читать текст от первого лица сообщающий о мучительном опыте – и этого же опыта подразумеваемую интерпретацию. Читаю: «лесбийский дневник – это саботаж языка»; хотя в рамках того же воображаемого семинара я бы набрал в самом тексте достаточно материала, чтобы предположить, что имела в виду этой сентенцией Лолита Агамалова, мне-то самому как читателю остаётся не ясно, какого языка, почему именно саботаж, если язык на протяжении всего текста продолжает так прекрасно работать, вырываясь в «паузах» и вовсе на свободу чистого подразумевания (может быть, так с акцентом на эти увесистые энергетические паузы его читает тот, кто много слушал блюз), но важно, и так ли важно, что именно дневник? Здесь напрашивается вопрос, может ли «лесбийский дневник», этот текст, сообщающий женщине о желании другой женщины, быть обращён к третьему лицу? У меня всё.